

ПЕРВЫЙ КАДР МОЕГО ЛЕТА

ЛУКЪЯНЕЦ ПОЛИНА

Полина Лукьянец

Первый кадр моего лета

«Автор»

2026

Лукьянец П.

Первый кадр моего лета / П. Лукьянец — «Автор», 2026

Чтобы спасти от продажи семейный, но давно убыточный фотосалон «Светопись», 15-летняя Катя должна всего за одно лето не только освоить аналоговую фотографию, о которой знает лишь по рассказам отца, но и выиграть престижный городской конкурс. Её главным соперником и неожиданным союзником оказывается Варя — популярный блогер, для которой фотография лишь инструмент для идеальных кадров. Вместе они узнают, что настоящее искусство — это не про идеальные фильтры, а про правду, которую видишь только сердцем. Это история о том, что настоящее наследие — не вещи, а умение видеть. И о том, что иногда, чтобы найти себя, нужно посмотреть на мир через чужой объектив, а затем — найти собственный фокус.

© Лукьянец П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Последняя отсрочка	5
Глава 2: Условия контракта	8
Глава 3: Непроявленные воспоминания	12
Глава 4: Звезда на пороге	15
Глава 5: Станный альянс	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Первый кадр моего лета

Глава 1: Последняя отсрочка

Катя ненавидела тишину в доме по утрам. Не ту благословенную тишину выходного дня, когда можно утонуть в подушке, а именно эту – звонкую, напряженную, словно воздух в квартире застыл в ожидании удара. Она лежала на кровати, уставившись в потолок, где трещина от прошлогодней протечки рисовала контуры, похожие на карту неизвестной страны. Страны под названием «Взрослая Жизнь», в которую она совершенно не хотела переезжать.

Из кухни долетал запах жареных пирожков и звук радио – бабушка, как всегда, пыталась заполнить тишину бытовыми шумами. Но даже сквозь голос диктора и шипение масла Катя слышала эту тишину. Она была везде: в пустом кресле отца у окна, в пыльном объективе дедовой камеры на комод, в её собственном теле, которое отказывалось двигаться с нужной скоростью.

– Катюша, завтрак! – донесся голос Галины Петровны.

Катя сгребла с тумбочки телефон. Никаких новых сообщений. Только уведомление из школьного чата о каком-то сборище у речки, на которое она всё равно не пойдёт, и реклама курсов по подготовке к ЕГЭ. Будущее наступало такими вот мелкими, назойливыми шажками.

Она спустилась в кухню. Бабушка поставила перед ней тарелку с пирожком и стакан чая.

– Не хмурься, солнышко. Лето на дворе, – сказала Галина Петровна, вытирая руки об фартук с вышитыми васильками. Но её глаза, серые и усталые, как ноябрьское небо, не улыбались.

– Я не хмурюсь, – буркнула Катя, отламывая кусок пирожка. Творог был идеальным, с изюмом и ванилью. Бабушка делала всё идеально. И жила идеально – по расписанию, без сюрпризов. Катя иногда думала, не заморозила ли бабушка себя лет двадцать назад, когда умер дед, и с тех пор просто отыгрывала одну и ту же роль.

– Почта пришла рано, – бабушка кивнула на стопку конвертов на краю стола. – Там что-то тебе. Официальное.

Катя насторожилась. Ей никто никогда не писал бумажных писем. Разве что бабушка из деревни, да и то раз в год открытку на Новый год. Она потянулась к стопке. Сверху лежал белый конверт из плотной бумаги. В левом углу – логотип банка. «АО „Сибирский Кредит“». Адресовано Екатерине Сергеевне Морозовой.

Сердце ёкнуло с неприятной, знакомой нотой. Она вскрыла конверт острым движением.

«Уважаемая Екатерина Сергеевна! Напоминаем Вам о просроченной задолженности по кредитному договору № 4876-К...»

Слова расплывались перед глазами, цеплялись за сознание отдельными крючками: «... объект залога – нежилое помещение по адресу...», «...сумма основного долга 1 850 000 рублей...», «...в случае неуплаты в течение 90 (девяноста) календарных дней...», «...имущество будет реализовано с торгов...»

– Бабушка... – голос Кати сорвался на шепот. – Что это?

Галина Петровна перестала мыть сковородку. Плечи её подались вперёд, будто под невидимой тяжестью.

– Дай сюда, – тихо сказала она.

Катя протянула листок. Бабушка надела очки, которые висели на цепочке, и долго, молча читала. Лицо её не изменилось, только губы плотно сжались в тонкую белую ниточку.

– Это по салону, – наконец сказала она, снимая очки. – Кредит. Мы его... брали с дедом. На новое оборудование. Тогда казалось, дело пойдет в гору. Не пошло. Потом рефинансировали... Я платила, сколько могла. Видимо, не хватило.

– Почему ты мне ничего не говорила? – вырвалось у Кати. Ей стало жарко.

– А что бы ты сделала? – в голосе бабушки впервые прозвучала не усталость, а горечь. – Учёбу бросила? Пошла работать? Нет уж, пусть хоть ты закончишь школу нормально.

– Но... полтора миллиона... И три месяца... Что мы будем делать?

Тишина в кухне сгустилась, стала физической, давящей. Даже радио бабушка выключила. Сквородка в раковине тихо шипела последними каплями масла.

– Не знаю, – честно призналась Галина Петровна. Она подошла к окну, спиной к Кате. – Продать квартиру? Но это наша квартира... И куда мы пойдём? Да и едва ли быстро продадим.

Катя смотрела на бабушкину спину, прямую, но такую хрупкую под ситцевой кофтой. Ей вдруг с ужасающей ясностью пришло в голову, что взрослые – не те гиганты, какими кажутся в детстве. Они просто лучше умеют прятать свой страх. И её бабушка, которая всегда знала, сколько грамм соли положить в суп и как вывести пятно с рубашки, сейчас стояла у окна и не знала, что делать.

– А салон? – спросила Катя. – Его же можно продать?

Бабушка резко обернулась.

– Нет. – Это прозвучало как выстрел. Твёрдо, без колебаний. – «Светопись» – не просто помещение. Это твоего деда жизнь. Моя жизнь. Твоего отца детство. Его не продают. Его... – она запнулась, ища слово, – его спасают.

– Но как? – Катя развела руками, сжимая в одной злосчастный листок. Бумага хрустела.

Галина Петровна вздохнула, подошла к столу и села напротив внучки. Её руки, покрытые тонкой паутиной морщин и пятнышками возраста, легли поверх Катиной ладони.

– Я не знаю, как, Катюша. Но будем искать выход. Не сегодня, так завтра. Дай бабушке подумать.

Но в её глазах Катя прочла то же самое отчаяние, что клубилось у неё в груди. Выхода не было. Его съела та самая тишина, которая теперь заполнила кухню полностью, проглотив даже звук собственного дыхания.

Катя встала, выскользнула из-под бабушкиной ладони.

– Я... я пойду, – пробормотала она.

– Куда? Пирожок недоеден.

– Просто погуляю. Надо подышать.

Она почти выбежала из квартиры, не глядя на бабушку. Ей нужно было остаться одной. Чтобы эта цифра – **1 850 000** – перестала пульсировать в висках. Чтобы стены перестали медленно, но верно сжиматься вокруг неё.

Улица встретила её слепящим солнцем и беззаботным шумом. Дети кричали в луже, соседка выгуливала пуделя, из открытых окон лилась какая-то бодрая музыка. Мир жил своей обычной летней жизнью, не подозревая, что у Кати Морозовой только что отняли будущее. Или показали его истинное лицо – холодное, бездушное, выраженное в круглой сумме долга.

Она шла, не разбирая дороги, пока ноги сами не принесли её на тихую улицу с дореволюционными домами. И вот он – «Светопись». Вывеска когда-то была синей с золотыми буквами, сейчас краска облупилась, золото потускнело. Витрина, которую бабушка мыла каждую неделю, несмотря ни на что, отражала её собственное искажённое лицо.

Катя достала ключ (у неё был свой, с двенадцати лет) и открыла тяжелую дверь с позвякивающим колокольчиком.

Запах. Он ударил в ноздри, знакомый и успокаивающий: пыль, стареющая бумага, слабый, едва уловимый химический запах из глубины, где была лаборатория, и ещё что-то – запах времени, застывшего в сотнях картонных коробок с негативами.

Салон был пуст. Стеллажи с рамками для фото, пустой прилавок, на стене – потёртый бархатный занавес для портретов. Всё это казалось таким архаичным, ненужным в мире селфи и цифровых фильтров. Музей собственной ненужности.

Катя прошла за прилавок и толкнула дверь в лабораторию. Здесь было темнее, только красный безопасный фонарь отбрасывал призрачные тени на полки с реактивами, на увеличитель, похожий на механическую птицу, на ванночки для проявки.

И на неё. На старую камеру «Зенит-Е», которая стояла на отдельной полке, как реликвия. Дед снимал ей всё: папу в детстве, бабушку молодую, городские праздники, первый снег. Катя брала её в руки пару раз, но это была сложная, непонятная штукавина с кучей колёсиков и надписей кириллицей. Она боялась её сломать, сделать что-то не так.

Сейчас она подошла и взяла камеру. Она была тяжёлой, холодной, но отполированной до блеска в местах, где к ней чаще всего прикасались пальцы. В видоискателе была только тьма.

«Спасают», – сказала бабушка.

Как? Снимать? Кому нужны эти плёночные снимки? Она не умеет. Она снимает только на телефон, да и то редко – пейзажи в поездках, кота, иногда еду. Не для памяти даже, а просто потому, что так делают все.

Отчаяние, холодное и липкое, подползло к горлу. Она поставила камеру на место и прислонилась лбом к холодному металлу стеллажа.

В кармане завибрировал телефон. Катя вздрогнула. Она достала его. Уведомление из городской новостной группы.

«ВНИМАНИЕ, МОЛОДЫЕ ТАЛАНТЫ! Городской краеведческий музей и фонд «Наследие» объявляют о старте ежегодного фотоконкурса «ЛИЦА НАШЕГО ГОРОДА». **Главный приз:** грант в размере **500 000 рублей** на реализацию творческого проекта + персональная выставка в музее. Приём работ до 1 сентября...»

Катя замерла. Сердце заколотилось с новой, бешеной силой. Пятьсот тысяч. Это не полтора миллиона. Но это огромная сумма. Это отсрочка. Это шанс.

Она дочитала пост до конца. Требования: серия из 10-15 фотографий, объединённая одной темой. Любая техника. Оценка будет по художественной ценности, оригинальности взгляда и раскрытию темы.

Она подняла глаза и снова посмотрела на «Зенит». На полки с плёнкой. На красный свет фонаря, который вдруг показался не светом запрета, а светом... возможности.

Она не умела. Она боялась. У неё было три месяца. И больше никаких вариантов.

Катя выдохнула. В тишине салона её собственный выдох прозвучал как клятва.

– Ладно, – прошептала она неподвижному воздуху, пыли и теням прошлого. – Ладно. Попробуем.

Глава 2: Условия контракта

Мысли бились в голове, как мотыльки об стекло: *500 000. Конкурс. 1 сентября. Спасти салон.* Они выстраивались в безумную цепочку, которая казалась одновременно единственным спасательным кругом и самой нелепой авантюрой в мире.

Катя вышла из салона, ослеплённая уже не только солнцем, но и этой новой, оглушительной идеей. Она почти бежала домой, сжимая в потной ладони телефон, будто это был уже не гаджет, а та самая камера, которой она не умела пользоваться.

Бабушка мыла пол на кухне, двигая табуретку с визгом.

– Бабушка, я нашла! – выпалила Катя с порога, переведя дух. – Есть выход. Конкурс. Фотоконкурс! Главный приз – пятьсот тысяч!

Галина Петровна выпрямилась, опираясь на швабру. На её лице не было ни надежды, ни скепсиса – только усталое понимание.

– Какой конкурс, доченька? И какие пятьсот тысяч? Ты чего это на легу поймала?

– В новостях выложили! – Катя судорожно открыла телефон, стала искать тот пост. Пальцы не слушались. – Вот, смотри! «Лица нашего города». Нужно серию снять. Про людей. Приз – полмиллиона. И выставка! Мы можем... мы можем выиграть! Часть долга покроем, а потом... потом...

Она замолчала, потому что бабушкин взгляд остановил поток слов. Взгляд был мягким, но таким печальным.

– Катюша, милая. Ты когда-нибудь в руках фотоаппарат держала? Настоящий?

Катя почувствовала, как краска заливает щёки.

– Держала, – пробормотала она. – «Зенит» твой.

– Держать и снимать – разные вещи. А конкурс... это же профессионалы будут участвовать. Студенты, журналисты. Ты же в школе даже на кружок фото не ходила.

– Так я научусь! – голос Кати дрогнул от обиды. Ей казалось, она принесла золотую жилу, а её встречают, как ребёнка, нарисовавшего каракули. – У меня же есть три месяца! Я буду каждый день снимать! У деда же куча книг, там про диафрагму, про выдержку... Я всё изучу!

Бабушка вздохнула, поставила швабру в угол и подошла к столу.

– Садись, солнышко. Не горячись. Пятьсот тысяч – это не игрушки. Это огромные деньги. Их просто так не дают. Нужно... нужно не просто снять. Нужно увидеть то, чего другие не видят. У деда это получалось. У него был дар.

– А у меня нет? – вырвалось у Кати. Она не села, осталась стоять, сжав кулаки.

– Не знаю, – честно сказала бабушка. – Дар – это не про камеру. Это про то, что тут. – Она приложила ладонь к груди, к сердцу. – И ещё... на какую камеру снимать будешь? На телефон? На конкурс-то, может, и примут, но...

– На «Зенит», – твёрдо сказала Катя. – Буду снимать на плёнку.

Теперь удивилась бабушка.

– На плёнку? Детка, это... это же очень сложно. Ты кадр не увидишь сразу, не поправишь. Каждый кадр на вес золота. И проявить надо, напечатать... Это целая наука.

– Ты же меня научишь! – Катя наконец села напротив, упираясь ладонями в край стола. – Ты же всё умеешь. Ты же в лаборатории раньше деду помогала. Научишь проявлять? И... и покажешь, как камеру настраивать?

Галина Петровна долго смотрела на неё. Казалось, она взвешивала не шансы на победу, а что-то другое. Готовность внучки. Её упрямство. Цену этой затеи.

– Ладно, – наконец сказала она, и в голосе её появилась капля твёрдости, давно забытой. – Не отговаривать же мне тебя. Попытка – не пытка. Но, Катя, договор такой: если через неделю

ты сама поймёшь, что это не твоё, что это пустая трата времени и сил – мы бросаем. И начинаем думать о других вариантах. Честно?

– Честно, – быстро согласилась Катя. Глоток надежды был так сладок, что она готова была на любые условия.

– Тогда идём, – бабушка поднялась. – Пойдём сейчас, пока свет хороший. Покажу тебе азы.

Они снова шли к «Светописи», но теперь уже не в тишине отчаяния, а в нервном, натянутом молчании ожидания. Бабушка шла быстрее обычного, будто вернулась в свою стихию.

В лаборатории она зажгла красный фонарь и сняла со стеллажа «Зенит» с торжественностью жреца, извлекающего священный артефакт.

– Вот он, старина, – сказала она, проводя пальцем по металлическому корпусу. – «Зенит-Е». Проще и надёжнее не бывает. Но чтобы он слушался, нужно его понять. Смотри.

Она начала объяснять медленно, чётко, как когда-то, наверное, объясняла ученикам в фото-кружке. Вот кольцо выдержек: от 1/30 до 1/500. Вот диафрагма: числа от 2 до 16. Чем меньше число, тем больше света попадает на плёнку, но тем меньше глубина резкости. Вот взвод затвора и перемотка плёнки. Вот видоискатель.

– Сначала зарядим плёнку. Учебную, самую простую. Она у меня есть.

Катя смотрела, затаив дыхание. Бабушкины пальцы, такие неуклюжие на кухне с тестом, здесь двигались с лёгкостью и точностью ювелира. Она вскрыла коробку с плёнкой, вставила катушку, протянула перфорированную ленту, закрыла заднюю крышку.

– Теперь твой черёд. Сними крышку с объектива. Посмотри в видоискатель. Наведи на что-нибудь. На меня.

Катя взяла камеру. Она оказалась ещё тяжелее, чем казалось. Она прижала её к глазу. В круглом окошке видоискателя бабушка превратилась в маленькую, перевернутую фигурку в матовом стекле. Вокруг неё была рамка из металлических уголков. Всё казалось каким-то нереальным, как в старом кино.

– Видишь? Теперь покрути кольцо фокусировки. Видишь, как я становлюсь чёткой? А теперь размытой?

Катя покрутила. Бабушка в видоискателе то выплывала из зыбкой дымки, то снова тонула в ней. Это было странно и волнующе. Она видела мир таким, каким его видела камера. Не таким, каким он был.

– А теперь... попробуй снять, – сказала бабушка.

– Что? Сейчас? – Катя опустила камеру.

– А чего ждать? Плёнка заряжена. Выдержку ставь на 1/125, диафрагму на 8. Это для дневного света в помещении примерно подходит. Наводи на меня, сфокусируйся, плавно нажми на спуск.

Сердце застучало где-то в горле. Катя снова подняла камеру, покрутила колёсики, как ей показали. В видоискателе бабушка смотрела на неё спокойно, с лёгкой улыбкой в уголках губ. Катя нажала на спуск.

****ЩЁЛК.****

Звук был громким, металлическим, решительным. Не как тихое «чик» камеры телефона. Это был звук, который что-то фиксировал. Навсегда. На плёнке теперь была её бабушка. Вся её мудрость, усталость, любовь и печаль – заперты в крошечном серебристом прямоугольнике.

– Молодец, – сказала бабушка. – Теперь взведи затвор и перемотай кадр. Вот так.

Катя сделала это, чувствуя, как внутри камеры что-то щёлкает и перемещается. Это было магией. Чёрной, механической, но магией.

– А теперь... выйдем на улицу. Снимем что-нибудь посложнее.

На улице азарт начал уступать место панике. Солнце било в глаза. Тени были резкими. Всё двигалось: машины, люди, листья на деревьях. Бабушка показала на скамейку у входа в салон.

– Попробуй снять эту скамейку. Пустой кадр. Поиграй с глубиной резкости. Сделай один кадр так, чтобы скамейка была резкой, а дом за ней размытым. А второй – наоборот.

Катя попыталась. Она помнила про диафрагму. Малое число – размытый фон. Она выставила 3.5, навела на спинку скамейки, нажала. **Щёлк.** Потом выставила 16, навела на окно дома напротив, снова нажала. **Щёлк.**

– А теперь что-нибудь живое. Вон, голубь идёт.

Голубь ковылял по асфальту, клюя невидимые крошки. Катя навела на него, покрутила фокус. Голубь в видоискателе был маленьким, серым, невыразительным пятном. Он двигался. Как поймать его в фокус? Она вела за ним камеру, палец дрожал на спуске. Голубь вдруг взмахнул крыльями и взлетел. Катя в панике нажала на спуск. **ЩЁЛК.** Но она была почти уверена, что в кадре теперь только размазанное небо и край крыла.

– Ничего, – успокоила её бабушка, видя её расстроенное лицо. – Первая плёнка всегда учебная. На ней учатся. И на ошибках тоже. Теперь главное – проявить и посмотреть, что получилось.

Вернувшись в лабораторию, бабушка показала ей, как в полной темноте, на ощупь, извлечь плёнку из камеры и намотать её на спираль для проявки. Потом включила слабый зелёный свет и поставила перед Катей три бутылки: проявитель, стоп-ванна, фиксаж.

– Химия, – сказала она. – Это как кулинария, только точность нужна до грамма и до секунды. Сейчас я сделаю, а ты смотри.

Катя смотрела, заворожённая. Бабушка налила проявитель в светонепроницаемую ванночку, поставила таймер. Она аккуратно покачивала ванночку, её лицо в красном свете было сосредоточенным, почти священным. Потом был стоп-раствор, потом фиксаж. Потом она вынула спираль и поднесла к слабому свету.

– Ну что, фотограф, посмотрим на твои шедевры?

Катя заглянула. На прозрачной плёнке, ещё мокрой, виднелись прямоугольники кадров. Первый – бабушка. Она получилась! Чётко, резко, смотрящей прямо в душу. Катя ахнула. Это было невероятно – видеть воплощённый образ, рождённый её собственным нажатием на спуск.

Второй кадр – скамейка с размытым фоном. Получилось! Дом действительно расплылся в цветных кругах.

Третий кадр – та самая скамейка, но резкий дом. Тоже хорошо.

Четвёртый кадр... Голубь. Вернее, то, что от него осталось. На плёнке было серое размазанное пятно с парой чёрных полосок (крылья?) и огромный кусок пересвеченного неба. Полный брак.

– Видишь? – сказала бабушка, не осуждая. – Движение – это сложно. Нужна более короткая выдержка. 1/500, а может, и больше. Учись.

Катя кивнула, не отрывая глаз от плёнки. Её первые кадры. Её первые ошибки. Это было не красиво. Это было не идеально. Но это было **настоящее**!. Это был её след на светочувствительном слое. И в этом была какая-то дикая, первобытная сила.

– Я научусь, – тихо, но очень твёрдо сказала она, глядя на размазанного голубя. – Я научусь снимать движение. И людей. И всё.

– Верю, – ответила бабушка и повесила плёнку сушиться. – Но помни наш уговор. Неделя. А потом – честный разговор.

Катя кивнула. Она уже не сомневалась. Она горела. Страх перед долгом, отчаяние – всё это отступило перед азартом нового вызова. Она будет снимать. Каждый день. Она выиграет этот конкурс.

Она вышла из салона с камерой на шее. «Зенит» оттягивал ремешок, било по груди при каждом шаге. Но этот груз был приятным. Это был груз цели.

Она шла по улице, уже не видя её прежними глазами. Она видела кадры: «Вот этот старик у подъезда – интересный свет на лице. Вот эти дети с мороженым – нужно поймать эмоцию. Вот эта трещина в стене с ползущим по ней муравьём...»

Мир превратился в бесконечную галерею потенциальных фотографий. И она, Катя Морозова, только что совершившая свой первый, корявый, но осознанный шаг, была его новым, неумелым, но жадным до открытий зрителем.

И где-то в глубине сознания, ещё неоформленно, родилась мысль: «Лица нашего города...» А что, если снимать не просто лица, а тех, кого не замечают? Кто составляет этот город, но остаётся в тени его парадных фасадов? Скамейку, на которой никто не сидит... Размазанного голубя... Бабушку в красном свете лаборатории...

Мысль была сырой, пугливой. Но она была. И этого пока что хватало.

Глава 3: Непроявленные воспоминания

После первой, полной эйфории съёмки наступил спад. Трезвое, холодное утро. Катя проснулась с ощущением, будто ей приснился очень яркий, очень важный сон, но детали уже уплывали. Она потянулась к тумбочке. Там лежал «Зенит». Не сон.

Она взяла его в руки. Холодный металл, шершавая кожанная накладка, стекло объектива, в котором отражалось её сонное, испуганное лицо. Вчера всё казалось возможным: щелчок затвора, магия проявки, бабушкины уверенные руки. Сегодня же на неё давила тишина комнаты и осознание: **я не умею**.

Она не умела не просто нажимать кнопки. Она не умела **видеть**. Вчерашний голубь был тому доказательством. Да и бабушку она сняла не потому, что «увидела» кадр, а потому что так сказали.

Катя спустилась в кухню. Бабушка уже ушла – сказала, что нужно съездить к юристу, «разведать обстановку по долгу». Оставила записку и остывшую овсянку. Чувство вины кольнуло Катю: бабушка в её возрасте борется с банками, а она тут играет в фотографа.

«Неделя», – напомнила она себе, заваривая чай. Одна неделя, чтобы доказать, что это не игра.

Она решила начать с теории. После завтрака, не притрагиваясь к камере, она направилась в салон. Не в лабораторию, а в крошечную подсобку за прилавком, которую дед называл «архивом».

Это была комната, заваленная картонными коробками до потолка. В них хранились не напечатанные снимки, а негативы и слайды, аккуратно разложенные по конвертам с подписями: «Лето 1985», «Свадьба Ани и Сергея», «Завод. Смена. 1978», «Парк. Дети». Воздух пах пылью, старой бумагой и уксусной кислотой – запахом неумирающей памяти.

Катя села на скрипящую табуретку и взяла первую попавшуюся коробку. «Семейное. Разное». Она открыла её. Внутри лежали полоски плёнки по шесть кадров, вложенные в прозрачные файлы. Она вынула одну и поднесла к свету от единственной лампочки под потолком.

Крошечные, перевёрнутые изображения. Нужно было шуриться, чтобы разглядеть. Вот трое людей на фоне какой-то реки. Вот женщина смеётся, зажмурившись от солнца. Вот ребёнок спит в коляске. Люди, которых она никогда не знала. Мгновения их жизни, застывшие в серебре и желатине.

Она нашла лупу деда – тяжёлую, с деревянной ручкой. С её помощью мир на плёнке ожил. Она разглядела морщинки вокруг глаз смеющейся женщины, узор на платке, травинку, застрявшую в волосах у мужчины. Это было не просто фото «на память». Это были истории. Без начала и конца, но от этого ещё более завораживающие.

Она копала глубже. Нашла коробку «Портреты. Заказные». Здесь лица были серьёзные. Мужчина в военной форме с неловкой улыбкой. Девушка с огромным бантом и строгим взглядом – выпускное. Пожилая пара, сидящая рядышком, но не смотрящая друг на друга, а куда-то вдаль, за кадр. Катя ловила себя на том, что пытается угадать: кто они? О чём думали в тот момент? Что было до и что будет после этого щелчка затвора?

Затем она наткнулась на папку без названия, просто обтянутую серым коленкором. Внутри лежали не коммерческие снимки, а что-то другое. Листы плотной бумаги, на которых были наклеены небольшие, явно любительские фотографии. И под ними – строчки, выведенные чернильной ручкой знакомым, твёрдым почерком деда.

Она прочла первую подпись под снимком, где было снято колесо от телеги, уткнувшееся в грязную колею: **«Проклятая распутица. Два дня до райцентра. Но облако над лужей – как райское»**.

Катя замерла. Она перевела взгляд на фотографию. Да, это была просто грязная колея и размытое колесо. Но если смотреть, зная подпись... Да, облако, отражавшееся в луже, было идеально белым и пушистым на фоне чёрной грязи. Красота в самом неожиданном месте.

Она листала дальше.

Снимок: спина уходящего человека в потрёпанном пальто.

Подпись: **«Странник. Не обернулся ни разу. Унёс с собой всю историю этой улицы».**

Снимок: пустая скамейка в осеннем парке, на ней одна жёлтая листва.

Подпись: **«Ожидание. Кто-то только что ушёл. Или ещё не пришёл?»**

Это были не подписи. Это были мысли. Диалог деда с миром через объектив. Он снимал не предметы, а чувства, вопросы, истории. Его камера была не инструментом фиксации, а инструментом познания.

Катя почувствовала, как у неё внутри что-то щёлкает, так же чётко, как щёлкал вчера затвор. Вот оно. **Вот что значит «видеть».** Не просто зафиксировать голубя, а поймать его одиночество или его порыв к свободе. Не просто снять бабушку, а уловить в её взгляде целую реку прожитых лет.

Её охватил жар. Она отложила папку и стала искать книги. На нижней полке, под слоем пыли, она нашла их: «Фотокомпозиция», «Секреты чёрно-белой фотографии», «Работа со светом». Учебники семидесятых годов, потрёпанные, с карандашными пометками на полях. Она открыла первую.

«Фотография начинается не в момент нажатия на спуск, а в момент, когда вы замечаете. Заметив, вы начинаете рассматривать. Рассмотрев, вы осмысливаете. И только осмыслив, вы кадрируете».

Она читала, погружаясь с головой. Диагонали, правило третей, золотое сечение, ритм, контраст... Это была не сухая теория. Это был язык. Язык, на котором можно было рассказать историю без слов. И дед знал этот язык в совершенстве.

Она провела в архиве несколько часов, забыв о времени. Солнце сместилось, и луч из маленького окна упал прямо на открытую папку с дедовыми снимками. Пылинки танцевали в луче, как ожившие воспоминания.

Катя встала, отряхнулась. В голове был густой, плотный туман из образов, правил и подписей. Она подошла к стеллажу и снова взяла «Зенит». Теперь он казался ей не просто железкой, а ключом. Ключом к этому архиву, к дедову взгляду, к пониманию города. И, возможно, ключом к спасению дома.

Она вышла на улицу. Было уже под вечер, длинные тени лежали на асфальте. Она не стала сразу снимать. Она просто пошла, как вчера, но теперь её взгляд был другим. Он не скользил по поверхности. Он искал.

Вот дрожащие листья на тополе, подсвеченные сзади заходящим солнцем. Они горели изнутри, как тысячи маленьких фонариков. **«Игра света»**, – прошептала она про себя.

Вот старушка, медленно перебирающаяся через дорогу. Она не просто шла. Она несла в одной руке авоську с картошкой, а другой придерживала платок на голове. Её тень, длинная и тонкая, тянулась за ней, будто вторая, более хрупкая версия её самой. **«Тень и сущность»**, – подумала Катя.

Вот лужа после недавнего дождя. В ней, как в кривом зеркале, отражалось небо, кусок фонаря и часть вывески «Светопись». Получился сюрреалистический коллаж из реальности и её отражения. **«Мир наизнанку».**

Она не доставала камеру. Она копила. Она училась смотреть. И это было труднее, чем крутить колёсики настройки. Это требовало остановки внутреннего диалога, того самого, что твердил: «Ты не успеешь, у тебя не получится, это безнадежно».

Но в тишине внимательного взгляда этот голос стихал. Оставалось только удивление. Удивление тем, как много историй разворачивается на одной обычной улице за один обычный вечер. Историй, которые никто, кроме неё, вот в эту секунду, не замечает.

Она вернулась в салон, когда уже стемнело. Бабушка ещё не приехала. Катя включила свет в зале, и её взгляд упал на ту самую старую камеру, которую она держала в руках. Она поставила её на прилавок.

А потом сделала то, чего раньше никогда не делала. Она достала из архива чистый лист бумаги и ручку. И начала писать. Не дневник. Не план. Она просто писала то, что видела.

«Тень старушки длиннее её самой. Она будто тянет за собой всё своё прошлое, всю свою тяжесть. А в луже – целый перевёрнутый мир. Может, правда есть другой мир, где вывеска „Светопись“ висит в небе, а фонари растут из земли?»

Она остановилась и посмотрела на написанное. Это были её первые, робкие «подписи». Её попытка не просто смотреть, но и осмысливать. Как дед.

Захлопнулась входная дверь. Вошла бабушка, выглядевшая измотанной.

– Ну что, фотограф? Снимала что-нибудь? – спросила она, снимая пальто.

– Нет, – честно ответила Катя. – Я... училась смотреть.

Бабушка удивилась, потом кивнула, и в её усталых глазах мелькнуло одобрение.

– Это самое главное. Видеть можно и без камеры. А камера... она потом только помогает поймать то, что уже увидел.

– Бабушка, – осторожно начала Катя. – А дед... он всегда так снимал? Не как все?

Галина Петровна улыбнулась, и на мгновение её лицо помолодело.

– Он был странным, твой дед. Все снимали улыбки на праздниках. А он мог снять человека, который чинит забор, и сделать из этого целую поэму. Говорил: «Галина, ты посмотри, как он гвоздь держит. Вся его жизнь в этих пальцах». Все над ним подшучивали. А теперь... теперь его снимки в музее просят на выставку. Поздно, конечно.

«Целую поэму», – повторила про себя Катя. Она посмотрела на свой листок с каракулями. Это была не поэма. Это был лепет. Но это было начало.

– Спасибо, бабушка, – сказала она. – За архив. И за деда.

– Он бы тобой гордился, – тихо сказала Галина Петровна и потянулась к выключателю.

– Ладно, пора закрываться. Завтра – новый день. Новые кадры.

Катя кивнула. Она аккуратно сложила свой листок и сунула его в карман джинсов. Завтра она возьмёт камеру. Завтра она попробует не просто смотреть, а ловить. Ловить эти истории, эти тени, эти отражения.

Она вышла на улицу, оставив салон в темноте. В кармане бумажка шуршала при каждом шаге, как зарок, как обещание самой себе. Она прошла мимо той самой лужи. Ночное небо отражалось в ней теперь как чёрное, усыпанное городскими огнями полотно. Она остановилась, достала камеру. Но снова не стала снимать. Она просто смотрела. Училась.

А где-то в глубине, среди образов и мыслей, зрела первая, смутная идея для конкурса. Идея, родившаяся не от отчаяния, а от тихого, внимательного удивления миру. Она ещё не имела формы, но у неё уже было название, подсказанное дедовой папкой: **«Невидимые»**.

Глава 4: Звезда на пороге

Три дня Катя прожила в параллельной реальности. Её мир сузился до размеров видоискателя и растянулся до бесконечности улиц, дворов и лиц. Она сняла две плёнки. Первая была сплошной учебой: дрожащие руки на слишком длинной выдержке, пересвеченные кадры, смазанные силуэты. Вторая – уже чуть лучше. Она поймала бабушку, задумчиво смотрящую в окно салона, и старика, кормящего воробьёв у подъезда. Кадры были технически неидеальны, но в них уже чувствовалось напряжение – попытка не просто снять, **апоймать состояние**.

А ещё она постоянно натыкалась на невидимую стену соцсетей. Заглядывая в телефон за справочной информацией, она видела ленту. И там, в идеально отфильтрованном мире, царила **Варя**.

«VARVARA_PH». Аккаунт с десятками тысяч подписчиков. Не модель, а именно фотограф. Вернее, создательница образов. Её снимки были безупречны: девушки с безукоризненным макияжем в заброшенных промышленных зонах, концептуальные натюрморты из кофе и макбуков, селфи с правильным светом и философскими подписями на английском. Каждый кадр кричал: «Я знаю, как должно быть красиво». И люди верили. Лайки исчислялись тысячами, комментарии пестрели огненными эмодзи и восторженными «вау!».

Катя пролистывала эти картинки с чувством, похожим на тошноту. Её собственные, корявые, чёрно-белые (она решила снимать пока только на ч/б плёнку) попытки казались на их фоне жалким лепетом неумехи. Что она могла противопоставить этой ослепительной, выверенной эстетике? Свою размазанную тень старушки? Свою переэкспонированную лужу?

У неё опускались руки. Конкурс был не про правду. Он был про красоту. А красота, судя по ленте Вари, имела жёсткие, неизменные каноны.

В один из таких моментов малодушия, когда она сидела за прилавком «Светописи» и разглядывала свою вторую, сырую плёнку, дверь с колокольчиком распахнулась.

Вошел не покупатель. Вошёл **событие**.

Воздух в салоне мгновенно изменился, наполнившись сладковатым ароматом дорогих духов и энергией, которая физически ощущалась, как лёгкий электрический разряд. Девушка. Высокая, в идеально сидящих джинсах и простой, но невероятно дорогой на вид белой футболке. Солнечные блики играли в её каштановых волнах, уложенных в небрежную, но надёжно зафиксированную волну. В руках – огромная сумка-шопер из мягкой кожи и новейший айфон в полупрозрачном чехле.

Это была Варя. Вживую она казалась ещё более нереальной, чем в инстаграме. Она была ходячей картинкой из этого самого инстаграма, сошедшей в мир, где пахло пылью и старой бумагой.

Варя окинула салон одним быстрым, оценивающим взглядом. Катя увидела, как её тонкие брови чуть приподнялись – не в восторге, а с лёгким недоумением, будто она зашла не в то место.

– Привет, – сказала Варя голосом, который был таким же безупречным, как её причёска – лёгким, уверенным, поставленным. – Это... ещё работает?

Катя, застигнутая врасплох, только кивнула, сжимая в руках плёнку.

– Круто, – сказала Варя без особого энтузиазма. Она сделала пару шагов, её взгляд скользнул по потёртому бархатному фону, по стеллажам с пыльными рамками образца двухтысячных. – Я искала... локацию. Винтажную, такую, с историей. Для новой съёмки. Мне сказали, тут фотосалон старый. Но я думала, что-то вроде студии...

Её фраза повисла в воздухе, недоговорённая, но смысл был ясен: «А это что за развального?»

Катя почувствовала, как по щекам разливается жар. Глупая, детская обида и стыд за это место, которое она только начала учиться любить, смешались в комок у неё в горле.

– Это салон «Светопись», – произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Основан в 1972 году. Здесь есть... лаборатория. Аналоговая. И архив.

Последнее слово она добавила с каким-то вызовом, хотя сама не понимала, зачем.

Варя повернулась к ней, и теперь её взгляд, зелёный и невероятно внимательный, наконец остановился на Кате. Она рассматривала её так же, как рассматривала интерьер – оценивающе, быстро.

– Архив? – повторила она. – То есть тут есть старые фото? Настоящие, плёночные?

– Негативы, – уточнила Катя. – Тысячи.

В глазах Вари что-то мелькнуло. Не интерес, а скорее азарт охотника, нашедшего неожиданный трофей.

– Покажешь?

Это был не вопрос, а мягкий приказ. Катя, всё ещё оглушённая внезапным визитом звезды её ленты, молча кивнула и провела её в архив.

Варя вошла в подсобку и замерла. Но не так, как замирала Катя – в почтительном трепете. Она замерла, как режиссёр на новой съёмочной площадке.

– Боже, – прошептала она. – Это же чистейший эстетический хаос. Пыль, картон, этот свет... – Она достала телефон и, не спрашивая разрешения, сделала несколько кадров. Вспышка на секунду ослепила Катю. – Идеально. Тут можно снять просто бомбический контент. «Заброшенная память» или типа того.

Катя стояла рядом, чувствуя себя не хозяйкой, а случайным статистом на чужой съёмке. Ей было обидно и неловко. Варя говорила об этом месте, о дедовом архиве, как о декорации. Как о фоне.

– Это не заброшенное, – тихо, но чётко сказала Катя. – Это работает. Мы... я проявляю тут плёнку.

Варя опустила телефон и снова уставилась на неё.

– Ты? Серьёзно? Ты что, на плёнку снимаешь?

– Учусь, – буркнула Катя.

– Зачем? – искреннее недоумение прозвучало в голосе Вари. – Это же медленно, дорого, неудобно. Ты кадр сразу не видишь. В цифре ты всё можешь поправить: свет, цвет, даже выражение лица. Плёнка – это для фанатиков.

«И для тех, у кого нет выбора», – горько подумала Катя, но вслух не сказала.

– Мне нравится, – ответила она вместо этого, пожимая плечами.

Варя покачала головой, но в её взгляде появилось что-то новое – не презрение, а любопытство. Как к редкому, экзотическому животному.

– Ладно, дело твоё. Слушай, а я могу тут пару часов позаниматься? Снять несколько образов? Я... заплачу, конечно, – она уже полезла в сумку за кошельком.

Мысль о деньгах, таких нужных, таких дефицитных, заставила Катю сердце ёкнуть. Но что-то внутри – то самое, что заставляло её хранить дедовы подписи, – восстало.

– Нет, – сказала она твёрже, чем ожидала сама. – Это не студия. И не... декорация. Это салон. И архив – он личный. Не для съёмок.

Варя удивлённо подняла брови. Её, похоже, редко отказывали. Особенно когда она предлагала деньги.

– Окей, – протянула она, убирая кошелёк. – Поняла. Ну, тогда хотя бы пару старых фотоальбомов посмотреть можно? Для вдохновения?

Катя колебалась. Но отказать уже во второй раз казалось просто грубым.

– Ладно. Только осторожно.

Она принесла одну из самых нежных папок – с семейными снимками пятидесятых. Варя села на табуретку, отряхнула её, и принялась листать. Но листала она не так, как Катя. Не вглядываясь в лица, не пытаясь угадать истории. Её пальцы скользили по поверхностям, выискивая «сильные» кадры: необычный ракурс, контрастную композицию, интересную фактуру.

– Вот это мощно, – сказала она, ткнув в снимок, где трое мужчин в рабочей одежде сидели на бревне, устало курили, и на них падал резкий боковой свет, выхватывая морщины и пот на лбу. – Такая... грубая мужская эстетика. Можно цеплять.

Она снова достала телефон и сфотографировала сам снимок в альбоме.

Катя наблюдала за ней, и чувство протеста росло. Это было воровство. Не материальное, а какое-то духовное. Варя вырывала куски чужой жизни, чтобы превратить их в «контент», в «эстетику». Без спроса. Без понимания.

– Зачем тебе это? – не выдержала Катя.

Варя оторвалась от альбома.

– Для блога. Моя фишка – глубина, история. Людям надоели гламурные пустышки. Им подавай что-то с душой, – она сказала это так легко, будто «душа» была просто ещё одним фильтром, который можно наложить. – А тут... тут этого много. Необработанного.

Она закрыла альбом и встала.

– Слушай, а что это у тебя в руках? – её взгляд упал на плёнку, которую Катя всё ещё бессознательно сжимала.

– Моя... моя вторая плёнка, – призналась Катя.

– Покажешь?

Катя нехотя протянула полоску. Варя взяла её, поднесла к свету лампочки. Она молча изучала кадры. Бабушка у окна. Старик с воробьями. Скамейка в сумерках. Размытый велосипедист.

– Ну... технически полный атас, – констатировала Варя. – Пересвет тут, недосвет тут, горизонт завален... Но...

Она замолчала, прищурилась.

– Но что? – не удержалась Катя.

– Но в этом, в твоей бабке... есть что-то. Она не просто сидит. Она... ждёт. Или вспоминает. Не знаю. Это чувствуется. Сквозь все косяки.

Катя вздохнула. Это была не похвала, но и не полное уничтожение. Почти объективная оценка.

– Я учусь, – повторила она.

Варя вернула ей плёнку. Потом неожиданно спросила:

– А почему вообще учишься? Такое ощущение, что тебя не развозит от процесса.

Катя замаялась. Признаться этой сияющей девушке в долге, в конкурсе, в отчаянной попытке спасти салон? Нет. Ни за что.

– Просто интересно, – солгала она.

Варя посмотрела на неё долгим, пронизывающим взглядом. Кате показалось, что эта девушка видит не только кадры, но и людей. Видит их слабые места.

– Ладно, – сказала Варя наконец. – Тогда удачи с... учебой. – Она повернулась к выходу, но на пороге архива обернулась. – Слушай, а если передумаешь насчёт съёмки – пиши в инсту. Деньги обсудим. Место правда атмосферное.

Она улыбнулась. Улыбка была ослепительной, профессиональной и абсолютно бездушной. Потом повернулась и вышла, оставив после себя шлейф духов и чувство полнейшей неловкости.

Катя стояла среди коробок, сжимая свою плёнку. Звонок двери затих. Тишина архива, обычно такая уютная, теперь давила. Она только что встретилась лицом к лицу с тем миром,

который ей предстояло покорить на конкурсе. С миром безупречной красоты, уверенности в себе и умения продавать даже чужую память.

И этот мир в лице Вари посмотрел на её скромные попытки свысока. С лёгкой жалостью, с долей любопытства, но без тени сомнения в своём превосходстве.

Катя опустила на табуретку. Эйфория от первых кадров окончательно улетучилась. До конца недели, отпущенной бабушкой на эксперимент, оставалось три дня. А она всё ещё снимала «технически полный атас».

Она положила лоб на холодную поверхность картонной коробки с надписью «Лето 1985». Из неё, казалось, доносился смех, плеск воды, голоса. Настоящая жизнь. Не та, что в инстаграме. А её, Катина, задача была – поймать эту настоящую жизнь и сделать её настолько сильной, чтобы она могла поспорить с идеальными картинками.

«Невидимые», – вспомнила она свою идею. Варя была самой что ни на есть видимой. Звездой. А она, Катя, пыталась разглядеть тех, кого все игнорировали.

Она подняла голову и посмотрела на дверь, в которую только что вышла Варя. Внезапно, сквозь обиду и неуверенность, в ней шевельнулась неожиданная мысль. А что, если её сила не в том, чтобы соревноваться с Варей в её же поле? А в том, чтобы играть на совершенно другом? На поле правды, против поля иллюзий?

Мысль была опасной и заманчивой. Как щелчок затвора в полной темноте. Ты не знаешь, что получится, но ты должен нажать.

Глава 5: Странный альянс

После визита Вари в салоне будто осталось эхо. Не звуковое, а осязаемое – след дорогих духов и холодной, безупречной оценки. Катя пыталась вернуться к обычным делам: проявила вторую плёнку (старик с воробьями получился лучше всех – она поймала момент, когда он подбрасывал крошку, и на его лице мелькнула детская улыбка), перечитала правила конкурса в сотый раз, пыталась придумать хоть какой-то план.

Но план не складывался. Он разбивался о простой факт: мир уже давно выбрал сторону. Сторону Вари. Сторону ярких, безупречных картинок, мгновенного одобрения и понятной эстетики. Кто в жюри станет вглядываться в её размытые, чёрно-белые, грустные кадры? Кому они нужны?

К концу дня чувство безнадёжности стало таким густым, что Катя просто сидела за прилавком, уставившись в пустоту. Бабушка ушла к соседке – решать какие-то свои, взрослые проблемы с долгами. Катя осталась одна. В тишине салона её собственные мысли звучали оглушительно громко: «Не получится. Не умеешь. Опоздала».

Дверь с колокольчиком распахнулась снова. Катя вздрогнула, ожидая увидеть бабушку. Но нет. Это была снова Варя.

Только теперь она выглядела... иначе. Не было той сияющей, выставочной уверенности. Волосы были собраны в небрежный хвост, макияж почти не виден, под глазами – лёгкие тени усталости. В руках – не сумка-шоппер, а простой пакет из сетевой кофейни с двумя стаканами.

– Привет, – сказала она, и голос её звучал более приглушённо, почти обыденно. – Я... заскочила.

Катя молча смотрела на неё, не понимая, что происходит.

– Слушай, – Варя поставила пакет на прилавок, вынула стакан и протянула Кате. – Капучино. Без сахара, если что.

Катя машинально взяла стакан. Он был тёплым.

– Я тут подумала, – продолжала Варя, отхлёбывая из своего стакана. Она облокотилась о прилавок, и это движение было каким-то человеческим, не постановочным. – После того как ушла. Ты же не просто так учишься на этой... штуке. – Она кивнула в сторону лаборатории. – И не просто так охраняешь этот архив, как дракон. У тебя есть причина. Серьёзная.

Катя почувствовала, как внутри всё сжимается. Она не хотела говорить об этом. Не с ней.

– Какая разница? – пробормотала она, отводя взгляд.

– Большая. Потому что у меня, например, причины нет. Вернее, есть, но она... – Варя сделала глоток кофе, сморщилась. – Поганая. Мне нужно поддерживать образ. Варя-фотограф. Креативная, глубокая, со своей эстетикой. А на самом деле я снимаю одно и то же: красивых людей в интересных местах. Это работает. Приносит деньги, подписчиков, признание. Но это... пустота.

Она сказала это так просто, так безжалостно по отношению к себе, что Катя невольно подняла на неё глаза.

– Почему ты мне это рассказываешь?

– Потому что у тебя есть то, чего у меня нет, – прямо сказала Варя. Её зелёные глаза смотрели на Катю без привычной насмешливой поволоки. – У тебя есть... место. Настоящее. И причина. И, судя по той плёнке, в твоих кривых кадрах есть какая-то искра. Которой в моих идеальных картинках – ноль.

Катя ничего не сказала. Она просто держала стакан, чувствуя, как тепло проникает сквозь картон в ладонь.

– И у меня есть предложение, – Варя выпрямилась. Её голос приобрёл деловые, чёткие нотки, но теперь они звучали иначе – не высокомерно, а как предложение партнёрства. – Ты

хочешь чего-то добиться с этой своей фотографией. Я вижу это. Но ты не знаешь, как это показать миру. У тебя нет аудитории, нет понимания, как работает эта машина. А я знаю. Я могу научить тебя делать так, чтобы твои снимки увидели. Даже эти... кривые и грустные.

– Зачем? – спросила Катя, насторожившись. – Что тебе с этого?

– Мне? – Варя усмехнулась, но усмешка была горьковатой. – Мне нужна твоя аутентичность. Мне нужен этот салон. Как настоящая, непостановочная локация. Не для одного поста, а для... для смены имиджа. Чтобы люди поверили, что я не просто коммерческий фотограф, а художник, который копает глубже. Которому важна история. А твой салон – идеальная история. Настоящая.

Она сделала паузу, давая словам осесть.

– Вот мой план. Ты даёшь мне доступ сюда. Не постоянный, по графику. Я приду, буду снимать свои проекты. Но не просто так. Взамен я становлюсь твоим... промоутером. Я научу тебя основам композиции, которые ты не найдёшь в старых учебниках. Я покажу, как вести визуальный дневник, как рассказывать историю через серию кадров, как зацепить зрителя. Я помогу тебе сделать так, чтобы твои работы на конкурсе не потерялись на фоне других. Это бизнес, – заключила она. – Взаимовыгодный.

Катя слушала, и в голове у неё бушевала буря. Часть её кричала: «Ни за что! Она хочет использовать салон, использовать тебя! Она презирает всё, что тебе дорого!» Другая часть, холодная и прагматичная, шептала: «А что у тебя есть? Ничего. Только неуверенность и размазанный голубь. А у неё – десятки тысяч подписчиков, знание системы и уверенность. Она может быть твоим шансом».

– Я... я не хочу, чтобы здесь всё превратили в декорации, – тихо сказала Катя. – Это не фоновые стены. Это моя... память.

– Я не буду ничего ломать, – быстро ответила Варя. – Я уважаю пространство. Просто... позволь ему работать на нас обоих. Ты же хочешь его спасти, да?

Катя резко подняла голову.

– Кто тебе сказал?

– Никто. Я вижу. По тому, как ты за него дерёшься. По твоим глазам, когда я сказала про деньги. Здесь пахнет проблемами. Большими. И ты пытаешься их решить через этот конкурс, верно?

Катя молча кивнула. Скрывать уже не имело смысла.

– Тогда тем более, – сказала Варя мягче. – Пусть это будет не благотворительность с моей стороны, а сделка. Ты получаешь знания и пиар. Я получаю уникальную локацию и... ну, скажем так, вдохновение. И право сказать, что я поддерживаю молодые таланты и локальную историю. Всем хорошо.

Она протянула руку через прилавок. Рука была ухоженной, с коротким аккуратным маникюром телесного цвета.

– Договорились?

Катя смотрела на эту руку. Она представляла, как эта рука листала дедов альбом в поисках «эстетики». Как нажимала на спуск идеальной камеры, создавая идеальные, безжизненные миры. Как сейчас держала стакан от сетевой кофейни.

А потом она представила бабушку, читающую письмо из банка. Представила цифру долга. Представила свои кадры, которые никто, кроме бабушки и, возможно, Максима, никогда не увидит.

Она сделала глубокий вдох. Воздух в салоне пах, как всегда, пылью и старой химией. Но сейчас в нём витал ещё и сладковатый запах ванильного капучино и невероятный, головокружительный риск.

– У меня есть условия, – сказала Катя, и её собственный голос прозвучал твёрже, чем она ожидала.

Варя удивлённо подняла бровь.

– Какие?

– Первое: архив трогать только в моём присутствии. И ничего оттуда не снимать для своих постов без моего разрешения.

– Идёт.

– Второе: ты учишь меня не «как делать красиво», а как делать... цепляюще. Как заставить кадр говорить. Не про эстетику, а про чувства.

Варя усмехнулась.

– Окей, это интересный челлендж. Попробуем.

– И третье, – Катя посмотрела ей прямо в глаза. – Если в какой-то момент я почувствую, что ты... используешь это место или меня нечестно, я расторгаю договор. Мгновенно. И ты больше сюда не приходишь.

Варя задумалась на секунду. Потом кивнула.

– Честно. Мне это нравится. Значит, ты не просто тихоня. Договорились.

Она снова протянула руку.

Катя медленно вытянула свою. Их руки встретились – холодные пальцы Кати и тёплая, уверенная ладонь Вари. Пожатие было крепким, деловым.

– Начнём завтра? – спросила Варя, отпуская её руку. – Утром, пока свет мягкий. Первый урок: как выстроить кадр так, чтобы глаз не уползал в угол.

– Завтра, – кивнула Катя.

Варя допила кофе, смяла стакан и закинула в пакет.

– Отлично. Тогда до завтра, партнёр. – Она повернулась и пошла к выходу. У двери обернулась. – И, Катя... спасибо. За шанс.

И она ушла. На этот раз не оставив после себя чувства опустошения, а бросив в воздух семя странного, непредсказуемого союза.

Катя осталась одна. Она подняла свой стакан, сделала глоток. Капучино был уже почти холодным, но вкусным. Она обвела взглядом салон. Он был прежним. Но всё было иным. Теперь здесь был не только её страх и надежда. Теперь здесь был ещё и договор с дьяволом. Или с ангелом? Она не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.